

К.Е. Морозов

Реляционный эгалитаризм и терпимые иерархии

Морозов Константин Евгеньевич – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID 0000-0003-3677-801X

e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

На протяжении почти всей второй половины XX в. в дискуссиях о социальной справедливости доминировал распределительный эгалитаризм. Согласно этому подходу, справедливость требует равного распределения экономических и социальных благ между людьми. Распределительный эгалитаризм подвергается критике с двух сторон. С одной стороны, реляционные эгалитаристы утверждают, что равенство следует понимать не как равное распределение каких-то благ, а как социальные отношения, лишённые дискриминации и угнетения. С другой стороны, суффициентаристы утверждают, что распределительное равенство не имеет значения, если все имеют минимально достойную долю благ. Недавно возник подход, синтезирующий обе линии критики, – реляционный суффициентаризм. Его сторонники, такие как Дж. Тоси, утверждают, что справедливость требует всего лишь минимально достойных социальных отношений, но не полностью эгалитарных. Основной аргумент в пользу этой позиции основан на том, что реляционный суффициентаризм лучше объясняет наше интуитивное принятие терпимых иерархий. Такие иерархии лишены аспектов дискриминации и угнетения, но они также не имеют инструментальной ценности и носят отчетливо неэгалитарный характер. Эта статья предлагает ответ на аргумент Тоси с позиций ролзианского реляционного эгалитаризма. Эта теория способна объяснить приемлемость терпимых иерархий, потому что они ограничивают требование эгалитарных отношений только базисной структурой общества. Ограниченность этого требования объясняется принципом либерального нейтралитета, который также исключает принцип заслуг как возможное обоснование иерархических отношений. В статье делается вывод о том, что на данном этапе реляционный эгалитаризм имеет значительные объяснительные преимущества перед реляционным суффициентаризмом.

Ключевые слова: распределительная справедливость, равенство, достаточность, эгалитаризм, суффициентаризм, социальные отношения, иерархия, уважение

Введение

Последние несколько десятилетий наблюдается устойчивая тенденция к усугублению социально-экономического неравенства [Аткинсон, 2018; Пикетти, 2023]. Эта тенденция порождает двойственную реакцию со стороны как общественности, так и моральных и политических философов. Со времен публикации Джоном Ролзом книги «Теория справедливости» (рус. пер.: [Ролз, 2010]) в философии доминирует либеральный эгалитаризм, который требует некоторой формы равенства между людьми. Долгое время это равенство понималось преимущественно распределительно, пока Элизабет Андерсон не раскритиковала этот подход за недостаточное внимание к реляционным аспектам эгалитаризма [Anderson, 1999].

Однако некоторые авторы не считают, что неравенство, сколь внушительным оно бы ни было, само по себе морально проблематично. Сторонники суффициентаризма утверждают, что неравенство может быть справедливым и заслуженным, а государства должны бороться лишь с бедностью. Недавно в этих дискуссиях возник новый подход – *реляционный суффициентаризм* [Tosi, 2019; Lippert-Rasmussen, 2021a; Lippert-Rasmussen, 2021b; Bengtson, Nielsen, 2023]. Один из центральных аргументов в его пользу основан на идее терпимых иерархий, то есть таких неравных социальных отношений, которые не вызывают моральных возражений. Цель этой статьи – показать, что реляционный эгалитаризм имеет достаточно ресурсов для того, чтобы объяснить правомерность терпимых иерархий, что подрывает один из основных аргументов в пользу реляционного суффициентаризма.

Эгалитаризм распределительный и реляционный

Ролз сформулировал теорию справедливости, которая предполагает довольно строгие эгалитарные следствия в том, что касается распределения благ в обществе. Один из главных аргументов Ролза в пользу равенства основан на том, что наше положение в обществе определяется целым рядом случайных факторов, за которые мы не можем нести моральную ответственность. Работа Ролза вдохновила многих философов, которые приняли этот основанный на удаче аргумент в пользу равенства и попытались сформулировать такой шаблон для распределения, который был бы чувствителен к ответственности и нечувствителен к удаче [Середа, 2021]. Из-за этого акцента на удаче и ответственности данный подход был назван «эгалитаризмом удачи» (luck egalitarianism)¹.

На протяжении нескольких десятилетий, последовавших за публикацией книги Ролза, эгалитаристы удачи дискутировали о том, какая форма распределительного равенства будет чувствительна к ответственности и нечувствительна

¹ Из-за акцента на распределении его также называют «распределительным эгалитаризмом» (distributive egalitarianism), однако этот термин является более широким, поскольку включает также нечувствительный к ответственности строгий эгалитаризм (straight egalitarianism) [Ake, 1975; Nielsen, 1979; Nielsen, 1984].

к удаче. Рональд Дворкин сравнивал идеалы *равенства благосостояния* и *равенства ресурсов*, отдавая предпочтение второму из них [Dworkin, 1986a; Dworkin, 1986b]. В противовес ему Ричард Арнесон предложил концепцию *равенства возможностей для благополучия* [Arneson, 1989]. Отвечая им обоим, Джеральд Коэн сформулировал идею *равенства в доступе к преимуществам* [Cohen, 1989].

Андерсон объединила всех этих философов общим ярлыком «эгалитаризм удачи»², а затем предложила альтернативное видение равенства [Anderson, 1999]. При этом она не считала свой подход новаторским. Напротив, будучи ученицей Ролза, она считала, что просто возрождает ту концепцию, которая уже содержалась в «Теории справедливости», но была упущена многими авторами из-за их чрезмерного акцента на роли удачи в обосновании Ролзом эгалитаризма (см. также: [Морозов, 2024a]). Подход к равенству, который отстаивали Ролз и Андерсон, последняя называет «реляционным эгалитаризмом» (relational egalitarianism). Иногда его также называют «демократическим эгалитаризмом» (democratic egalitarianism), чтобы отделить от подходов, которые привержены какой-то иной форме реляционного равенства³.

Согласно реляционному эгалитаризму, распределение благ между людьми имеет значение в той мере, в которой оно препятствует неэгалитарным отношениям. Наиболее явными примерами таких отношений являются дискриминация и угнетение. Например, в обществе расовой сегрегации к расовым меньшинствам относятся как к людям второго сорта, а в патриархальном обществе женщины имеют более низкий социальный статус, у них нет возможности занимать высокое общественное положение, или эта возможность зависит от готовности женщин обслуживать мужчин.

Однако существуют и менее явные проявления неэгалитарных отношений. Примером этого могут быть иерархии на рабочем месте. Работник подчинен своему начальству, и даже если начальство не обращается с работником каким-либо унижительным или дискриминирующим образом, их отношения все равно нельзя характеризовать как в полной мере эгалитарные. Это необязательно говорит о том, что реляционные эгалитаристы считают нужным полностью устранить отношения рабочего найма, однако они приветствуют различные политические меры, направленные на ограничение власти работодателя над его работниками [Anderson, 2017].

Таким образом, реляционный эгалитаризм смещает акцент с распределения на социальные отношения. Это не значит, что распределительное неравенство не заботит реляционных эгалитаристов. Напротив, имущественное расслоение является одним из главных источников неравенства в социальных отношениях, а потому реляционные эгалитаристы, как и эгалитаристы удачи, активно поддерживают перераспределение богатства и доходов [Schemmel, 2011]. Однако их обоснование этого перераспределения заметно отличается.

² Ранее Дерек Парфит предлагал деление эгалитаризма на *телический* и *деонтический* [Parfit, 1997], которое пересекается с классификацией Андерсон.

³ Примером может послужить концепция *равенства авторитета* Марка ЛеБара [LeBar, 2020].

Суффициентаризм распределительный и реляционный

Однако реляционный эгалитаризм – не единственный подход, возникший как оппозиция эгалитаризму удачи. Другая такая теория – это суффициентаризм (sufficientarianism)⁴. Впервые суффициентаризм был сформулирован Гарри Франкфуртом в его эссе «Равенство как моральный идеал» [Frankfurt, 1987], хотя еще ранее схожую идею можно обнаружить в «Философии неравенства» Николая Бердяева [Бердяев, 2012, 210].

Как и эгалитаризм удачи, суффициентаризм является распределительным подходом к справедливости. Однако суффициентаристы отвергают равенство. Вместо этого, утверждают они, справедливость требует всего лишь того, чтобы каждый имел достаточную (или минимально достойную) долю благ. Грубо говоря, согласно суффициентаризму, имущественное неравенство, каким бы большим оно ни было, само по себе не является морально тревожным или проблематичным. Подобный статус имеет только бедность, то есть ситуация, когда у некоторых людей недостаточно благ или ресурсов для минимально достойной жизни. Но если бы у всех было достаточно, то не имело бы морального значения, что у одних людей больше, чем у других [Frankfurt, 1987, 21]. При этом суффициентаризм, в отличие от эгалитаризма удачи, равнодушен к вопросу об ответственности людей за их положение. В своей классической формулировке эта теория предполагает, что справедливость требует обеспечения всем людям минимально достойной доли благ вне зависимости от их ответственности за свое неблагоприятное положение⁵.

Однако в последние годы появился подход, который синтезирует две линии критики эгалитаризма удачи в одну, – реляционный суффициентаризм (relational sufficientarianism). От реляционного эгалитаризма он берет акцент на социальных отношениях, а от суффициентаризма – ограниченность некоторым порогом достаточности. Согласно реляционному суффициентаризму, справедливость требует таких социальных отношений, все участники которых пользуются минимально приемлемым уровнем уважения, даже если их отношения имеют отчетливо неэгалитарный характер.

Джастин Тоси прямо отстаивает реляционный суффициентаризм [Tosi, 2019], отвергая при этом любые формы эгалитаризма, кроме равенства перед законом [Tosi, Warmke, 2022, 587–588]. Андреас Бенгстон и Лассе Нильсен тоже развивали эту позицию, хотя они поддерживают плюралистическую теорию справедливости, сочетающую в себе эгалитарные и суффициентарные соображения [Bengston, Nielsen, 2023]. Каспер Липперт-Расмуссен также рассматривал реляционный суффициентаризм критически [Lippert-Rasmussen, 2021a; Lippert-Rasmussen, 2021b]. Мы сосредоточимся на позиции,

⁴ От англ. sufficiency (достаточность).

⁵ Однако некоторые авторы обсуждали гибридную позицию, названную «суффициентаризмом удачи» [Морозов, 2024б; Gosseries, 2009; Lippert-Rasmussen, 2019; Timmer, 2023]. Согласно ей, справедливость требует обеспечить минимально достойную долю лишь тем, кто не несет ответственность за собственное бедственное положение.

сформулированной Тоси, потому что она является явной попыткой предложить альтернативу эгалитарным концепциям.

Тоси предлагает аргумент в пользу превосходства реляционного суффициентаризма над эгалитаризмом. Идея в том, что наши социальные практики пронизаны двумя типами иерархических отношений: терпимыми и нетерпимыми. Реляционный эгалитаризм осуждает оба типа иерархий, не проводя между ними различий, тогда как реляционный суффициентаризм осуждает лишь нетерпимые иерархии. Расизм и мизогиния являются примерами явно нетерпимых иерархий, поскольку они основаны на принижении достоинства одних людей за счет превознесения других. Напротив, иерархии в рабочем коллективе или между педагогом и учениками представляют собой примеры терпимых иерархий, которые не основаны явно на дискриминаторном отношении. Преимущество реляционного суффициентаризма, как считает Тоси, в том, что он предоставляет теоретический инструментарий, чтобы различить эти два типа иерархий, а затем объяснить, почему одни из них проблематичны, а другие – нет [Tosi, 2019, 55]. Реляционный эгалитаризм же, как считает Тоси, не может провести это различие, а потому допускает контринтуитивные моральные следствия и потенциально даже подрывает наши устойчивые социальные практики.

Иерархии терпимые и нетерпимые

Чтобы аргумент Тоси стал более понятен, рассмотрим более детально, что именно подразумевается под «терпимыми иерархиями». Реляционный эгалитарист Сэмюэл Шеффлер также считает, что некоторые социальные иерархии оправданны и не должны быть устранены [Scheffler, 2010, 225–226]. Он предлагает два критерия для выделения таких оправданных иерархий. Во-первых, они инструментально ценны, то есть мы готовы терпеть их неэгалитарный характер, потому что эти иерархии способствуют реализации каких-то важных благ. Например, иерархии на рабочем месте могут быть полезны, если иерархическая структура фирм необходима для их более эффективной работы и, как следствие, производства общественного богатства. Иерархии между педагогами и учениками также могут быть полезны, если иерархический характер таких отношений необходим, чтобы обеспечить эффективность образовательного процесса.

Во-вторых, даже если иерархии не имеют инструментальной ценности, иногда полное устранение статусных различий не является необходимым для классификации этих иерархий как эгалитарных. Например, представим конференцию по философии, которую посетил Ролз. Так как он, вероятно, один из наиболее влиятельных и важных философов XX в., вполне ожидаемо, что на такой конференции многие участники будут относиться к нему с особым почтением. Однако при условии, что Ролз не использует это почтение в корыстных целях, чтобы добиться для себя особых условий, такие отношения нельзя назвать неэгалитарными. Потому что, хотя Ролз пользуется особым уважением со стороны коллег, на этой конференции он – просто один из выступающих философов.

Тоси, однако, считает, что перечень терпимых иерархий не исчерпывается теми, которые соответствуют критериям Шеффлера. Чтобы показать это, Тоси приводит еще два примера ситуаций, когда иерархии терпимы, даже если они не имеют инструментальной ценности или эгалитарного характера [Tosi, 2019, 55–57]. Во-первых, это частные взаимодействия между людьми, когда участники этих отношений добровольно принимают более низкий статус. Представим, например, фан-клуб Ролза, организованный группой увлеченных студентов-философов. Они собираются раз в неделю и читают книги Ролза, обмениваются идеями, дебатировать и так далее. Между собой члены клуба поддерживают довольно эгалитарные отношения. Однако затем одному из участников клуба удается пригласить на очередное собрание самого Ролза. Разумеется, поскольку это буквально сообщество его поклонников, сложно сказать, что та степень уважения и восхищения, которой в этом сообществе пользуется Ролз, сохраняет «эгалитарный характер»⁶. В ином случае мы слишком сильно размываем значение слова «эгалитарный», чтобы его можно было использовать для осуждения тех иерархий, которые эгалитаристы хотят осудить.

Во-вторых, Тоси также поддерживает принцип заслуг. Он позволяет оправдать некоторые статусные различия на основании того, что люди, имеющие более высокий статус, просто заслуживают его иметь, даже если такие различия не имеют инструментальной ценности или эгалитарного характера. Если принцип заслуг верен, то особое почтение, которое некоторые люди испытывают по отношению к Ролзу, может отражать его особые заслуги как действительно выдающегося философа. И в этом особом почтении нет ничего морально предосудительного, хотя его характер остается отчетливо неэгалитарным.

По мнению Тоси, мы можем сохранить эти формы терпимых социальных иерархий лишь в том случае, если откажемся от чересчур требовательного реляционного эгалитаризма. Но мы по-прежнему сможем осуждать нетерпимые иерархии, основанные на унижении и дискриминации, если примем позицию реляционного суффициентаризма. И поскольку реляционный суффициентаризм лучше согласуется с дотеоретическими моральными интуициями о терпимых иерархиях и не сталкивается с возражением требовательности, эта теория имеет объяснительный приоритет перед реляционным эгалитаризмом.

Равенство и базисная структура общества

Некоторые версии реляционного эгалитаризма действительно довольно требовательны. Например, Джеральд Коэн в рамках своей теории⁷ уделяет

⁶ Согласно воспоминаниям о Ролзе его учеников и коллег, он был довольно застенчивым человеком и его смущало оказываемое ему внимание [Korsgaard, 2003; Freeman, 2007]. Так что будь эта воображаемая ситуация с фан-клубом реальной, она, вероятно, заставила бы Ролза чувствовать себя довольно дискомфортно.

⁷ Традиционно, вслед за Андерсон, Коэна квалифицируют как эгалитариста удачи, а не реляционного эгалитариста. Однако акцент на эгалитарном этосе явно характеризует его теорию как реляционную [Коэн, 2020, 112]. По меньшей мере мы можем определить позицию

особое внимание эгалитарному этосу [Cohen, 2008]. Позиция Коэна предполагает, что люди обязаны отказываться от иерархий даже в своих частных ассоциациях. Против подобных версий реляционного эгалитаризма возражение Тоси будет работать, если только они не предложат аргумент в пользу значительного пересмотра наших суждений о терпимых иерархиях. Примером такой аргументации может служить работа Кимберли Юрако о феминистском перфекционизме [Yuracko, 1995].

Хотя нам симпатична аргументация Коэна и Юрако, здесь мы выдвинем другой ответ на критику Тоси. Он упускает тот факт, что основной обсуждаемой версией реляционного эгалитаризма является *ролзианский* эгалитаризм, а Ролз ограничивает применимость своих принципов справедливости только базисной структурой общества [Ролз, 2010, 22; Freeman, 2018]. Эта структура включает в себя наиболее значимые общественные институты и то, каким образом эти институты распределяют права и обязанности, а также выгоды и тяготы социальной кооперации. К базисным институтам Ролз относит политическую конституцию и основные экономические и социальные устройства, включая равенство перед законом, свободный рынок, частную собственность и моногамную семью. Именно эти базисные институты должны регулироваться принципами справедливости, но не действия отдельных людей и не правила их частных ассоциаций.

Почему Ролз ограничивает применимость принципов справедливости только базисной структурой? Есть несколько причин, но здесь мы затронем только одну: это ограничение проистекает из либерального нейтралитета между разумными концепциями блага. Этот нейтралитет связан с проблемой политической легитимации. Либеральное государство должно быть оправданно для всех граждан, над которыми оно имеет власть. Но поскольку граждане не согласны между собой по вопросам ценностей, государство не может использовать спорные ценностные доктрины для обоснования своей власти. Вместо этого государство должно опираться на те принципы, которые могут быть предметом пересекающегося консенсуса между его гражданами [Rawls, 1996, 134]. Поэтому для государства оправданно реализовывать общую концепцию справедливости на уровне базисных институтов, но не навязывать какую-либо конкретную модель поведения на уровне частных ассоциаций, чтобы это не подорвало легитимность общей концепции⁸.

Имея в виду этот либеральный нейтралитет, можно сформулировать возражение против аргументации Тоси. Поскольку для Ролза применимость принципов справедливости ограничена базисной структурой, реализация этих

Коэна как пример *плюралистического эгалитаризма*, который сочетает в себе распределительный и реляционный аспект [Lippert-Rasmussen, 2015]. Джонатан Вольф также рассматривает марксистскую традицию, продолжателем которой является Коэн, как ранний пример реляционного эгалитаризма [Wolff, 2015].

⁸ Этот нейтралитет является одним из расхождений ролзианцев с эгалитаристами удачи, поскольку позиция последних основана на метафизически нагруженных (и потому спорных) концепциях свободы воли и ответственности [Середа, 2021, 281–285]. В то же время Райан Лонг пытался сформулировать версию эгалитаризма удачи, которая избегала бы этой проблемы [Long, 2016].

принципов не будет требовать от людей полностью отказаться от статусных различий в своих частных ассоциациях. Нейтральное государство будет допускать, что в частных ассоциациях люди самостоятельно формируют свои внутренние правила, в том числе допуская иерархии. Но разве это не подрывает саму идею реляционного эгалитаризма?

Это не так, по мнению Ролза, потому что требование эгалитарных отношений ограничено лишь теми сферами, которые непосредственно регулируются базисной структурой. Например, это требует равенства возможностей для всех людей влиять на политику, осуществляемую государством [Rawls, 1996, 357–358]. Это также требует определенных регулятивных мер, ограничивающих возможности более обеспеченных членов общества влиять на жизнь сограждан. Но это не требует от государства принуждать людей устранять все статусные различия в рамках своих частных ассоциаций.

Реляционный эгалитаризм требует, чтобы все люди на равных участвовали в демократическом управлении своими сообществами, а также чтобы их экономические взаимоотношения были лишены элемента произвольной власти одних людей над другими⁹. На этом основании реляционный эгалитаризм устанавливает предел имущественному расслоению между людьми, чтобы богатые не могли использовать имеющиеся у них ресурсы для лоббирования выгодной им политики. Реляционный эгалитаризм также требует законодательных ограничений в сфере работы и найма, чтобы гарантировать, что любая асимметрия власти между работниками и работодателями будет инструментально оправданна. Но в тех пределах, которые задаются такими ограничениями, статусные различия допустимы. Реляционный эгалитаризм не требует лишить Магнуса Карлсена звания чемпиона мира по шахматам при условии, что этот титул не наделяет Карлсена какими-то особыми политическими правами или экономическими преимуществами, которые позволяли бы ему произвольно влиять на жизнь других людей.

Таким образом, наше интуитивное принятие терпимых иерархий в частных ассоциациях не является аргументом против ролзианского эгалитаризма, поскольку последний не требует устранять эти иерархии. Эта теория озабочена лишь теми иерархическими отношениями, которые проистекают из функционирования базисной структуры. Более того, по этому вопросу суждения реляционных эгалитаристов являются более интуитивно привлекательными, чем аналогичные суждения суффициентаристов. Если демократическое участие необходимо для легитимации государственной власти, то нет никаких оснований в пользу неравного участия. Если в демократическом государстве какая-то группа исключена из политического самоуправления, то для этой группы власть этого государства необоснованна. Реляционный суффициентаризм не может решить эту проблему, потому что допускает неравенство в социальных отношениях при условии, что все социальные группы получают минимально достойную степень политического участия. Но проблема в том, что, насколько высоким ни был бы этот минимум, любая асимметрия власти между двумя

⁹ В такой формулировке реляционный эгалитаризм сближается с неореспубликанизмом Филипа Петтита [Петтит, 2016]. Сам Ролз отмечал близость этих позиций [Rawls, 1996, 204].

группами будет подрывать обоснованность публичной власти для группы с меньшей степенью контроля над общими публичными институтами.

Реляционный эгалитаризм не столь требователен, как предполагает Тоси, в том, что касается частных ассоциаций. Но он требователен, когда речь идет о публичных институтах, потому что призван обеспечить легитимацию этих институтов для всех людей, чья жизнь затрагивается ими. Реляционный суффициентаризм же не может обеспечить аналогичную по силе легитимацию, а потому остается менее привлекательной альтернативой эгалитаризма.

Равенство и принцип заслуг

Тоси мог бы ответить на эту критику, снова апеллируя к принципу заслуг. Если этот принцип верен, то справедливость требует, чтобы социальный статус и престиж отдельного человека соответствовали его заслугам. И это оправдывает статусные различия между людьми, возможно, даже на уровне базисной структуры. Например, Тоси мог бы сказать, что асимметрия власти между двумя социальными группами в демократическом обществе может быть обоснована тем, что одна из этих групп больше заслуживает участвовать в управлении обществом, потому что ее члены обладают лучшими способностями. Или Тоси мог бы сказать, что иерархический аспект в отношениях работника и работодателя может быть обоснован, даже если он не имеет инструментальной ценности, потому что работодатель просто заслуживает более высокого положения из-за своих предпринимательских способностей, которые вносят более значимый вклад в производство общественного богатства.

Но эта меритократическая апелляция к принципу заслуг также рискует подорвать реляционный суффициентаризм. Ролз отвергал принцип заслуг [Ролз, 2010, 23], поэтому Тоси также необходимо показать, почему аргументация Ролза против этого принципа не является валидной, чего сам Тоси в своем тексте не делает. И более внимательный взгляд на аргументацию Ролза против принципа заслуг покажет, как этот принцип подрывает обоснование реляционного суффициентаризма.

Первое ролзовское соображение против принципа заслуг, которое нам стоит учесть, снова возвращает нас к проблеме либерального нейтралитета. Принцип заслуг не может быть нейтрален, потому что для его реализации нам необходима какая-то универсальная метрика ценности, чтобы соотносить действия отдельных людей таким образом, который позволит нам делать сравнительные утверждения об их заслугах. Принцип заслуг неизбежно должен основываться на какой-то общей концепции блага. Но, согласно Ролзу, у нас нет хорошего способа разрешить разумные разногласия по вопросам блага, который не вел бы к тирании одной социальной группы над всеми несогласными. Поэтому либеральное государство должно оставаться нейтральным, что исключает использование им принципа заслуг при разработке политики. Ведь различные группы, имея различающиеся представления о должном и добродетельном поведении, будут иметь расходящиеся выводы о том, какое поведение заслуживает особого вознаграждения.

Тоси может отвергнуть либеральный нейтралитет, но это поставит его позицию в более уязвимое положение. Ведь в таком случае Тоси не сможет, в отличие от Ролза, апеллировать к тому факту, что его концепция является возможным пересекающимся консенсусом, как основанию в пользу принятия этой концепции. Доказательственное бремя, которое берет на себя Тоси, тяжелее, чем у Ролза. Последнему необходимо доказать лишь то, что у всех людей с разными представлениями о благе есть основания принять его теорию справедливости. Но Тоси нужно доказать, что его теория превосходит все альтернативные концепции блага. Это еще не говорит о том, что реляционный суффициентаризм ложен, но лишь о том, что аргументировать в его пользу тяжелее, чем в пользу ролзианского политического либерализма.

Более серьезную проблему для аргументации Тоси создает второе соображение Ролза против принципа заслуг, которое роднит его теорию с эгалитаризмом удачи. Ролз утверждает, что на уровне базисной структуры неравенства между людьми не могут быть обоснованы отсылками к их заслугам, потому что базис для наших заслуг всегда содержит в себе элемент случайности и везения, который является произвольным с моральной точки зрения [Там же, 75]. Социальная группа более способных управленцев, например, действительно может быть более пригодна к осуществлению административных функций. Однако это не значит, что они морально заслуживают занимать подобное положение, ведь их способность выполнять такие функции частично основана на удаче, за что они не могут нести моральную ответственность. Например, они могли родиться в более обеспеченных семьях, у которых было больше возможностей, чтобы дать своим детям хорошее образование. И даже если они не происходят из обеспеченных семей, их способности также частично обусловлены везением, например, потому что им повезло родиться с особыми талантами или, по крайней мере, без врожденных заболеваний, которые сделали бы для них невозможным получение образования.

Ролз и эгалитаристы удачи сходятся в том, что это весьма значительное влияние везения на наши жизненные успехи подрывает обоснованность принципа заслуг (см. также: [Фрэнк, 2019; Кардаш, 2020]). Поэтому, даже если Тоси отвергнет ролзовский нейтралитет, ему предстоит опровергнуть эгалитарную критику принципа заслуг, чтобы доказать, что этот принцип может использоваться для обоснования терпимых иерархий на уровне базисной структуры общества. Эта задача не является тривиальной, но пока она не будет решена, реляционные суффициентаристы не могут утверждать, что их позиция имеет объяснительные преимущества перед ролзианским реляционным эгалитаризмом. Хотя в том случае, если реляционные суффициентаристы отвергнут либеральный нейтралитет, чтобы поддержать принцип заслуг, они утратят свои объяснительные преимущества и перед более радикальными формами реляционного эгалитаризма, вроде коэновской. Ведь такая форма реляционного суффициентаризма не в меньшей степени, чем эгалитаризм Козна, предполагает значительный пересмотр дотеоретических интуиций многих людей по вопросам политики и морали.

Заключение

Реляционный суффициентаризм является попыткой обосновать растущее неравенство, показав, что наши дотеоретические моральные установки не распознают такое неравенство как что-то само по себе проблематичное. Многие критики эгалитаризма стремятся показать, что неравенством озабочены только левые политики и интеллектуалы, тогда как «простых обывателей» эта проблема совсем не заботит (см.: [Капелюшников, 2019]). Как мы показали, эта критика эгалитаризма и основанный на ней аргумент в пользу меритократии ошибочны. Демократический эгалитаризм лучше объясняет и обосновывает дотеоретические убеждения, распространенные среди простых людей.

Этот вывод важен не только в контексте теоретических дискуссий в этике и политической философии. Он также заметно подрывает аргументы в защиту неравенства, активно используемые в современной публичной политике. Эти аргументы стремятся показать, что моральные опасения простых людей не связаны с растущим неравенством, а потому не требуют какого-либо активного противодействия его дальнейшему росту. Сторонники этих аргументов также стремятся показать, что неравенство может быть обосновано на меритократических основаниях. Как было продемонстрировано, эта основа является гораздо более спорной и хрупкой, чем может показаться на первый взгляд¹⁰.

Relational Egalitarianism and Tolerable Hierarchies

Konstantin E. Morozov

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

ORCID 0000-0003-3677-801X

e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

For much of the second half of the 20th century, discussions of social justice were dominated by distributive egalitarianism. According to this approach, justice requires an equal distribution of economic and social goods among people. Distributive egalitarianism has been criticized from two directions. On the one hand, relational egalitarians argue that equality should be understood not as an equal distribution of goods, but as social relations free of discrimination and oppression. On the other hand, sufficientarians argue that distributive equality does not matter as long as everyone has a minimally decent share of goods. A recent approach that synthesizes both lines of criticism is relational sufficientarianism. Its proponents, such as Justin Tosi, argue that justice requires only minimally decent social relations, but not fully egalitarian ones. The main argument for this position is that relational sufficientarianism better explains our intuitive acceptance of tolerable hierarchies. Such hierarchies lack aspects of discrimination and oppression, but they also lack instrumental value and are distinctly inegalitarian in nature. This article offers

¹⁰ Выражаю благодарность Арине Черепановой, Александру Разину, Андрею Прокофьеву, Дмитрию Середе, Тимуру Волжскому, Василию Устиненко, Ростиславу Капелюшникову, Марку ЛеБару, Майклу Оцуке и анонимному рецензенту за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли в работе над этой статьей.

a response to Tosi's argument from the perspective of Rawlsian relational egalitarianism. This theory can explain the acceptability of tolerable hierarchies because they limit the requirement for egalitarian relations to the basic structure of society. The limitation of this requirement is explained by the principle of liberal neutrality, which also rules out the principle of desert as a possible justification for hierarchical relations. The article concludes that, at this stage, relational egalitarianism has significant explanatory advantages over relational sufficientarianism.

Keyword: distributive justice, equality, sufficiency, egalitarianism, sufficientarianism, social relations, hierarchy, respect

Литература / References

Аткинсон Э.Б. Неравенство: Как с ним быть? / Пер. с англ. О. Левченко. М.: Дело, 2018.

Atkinson, A.B. *Neravenstvo: Kak s nim byt'?* [Inequality: What Can Be Done?], trans. by O. Levchenko. Moscow: Delo Publ., 2018. (In Russian)

Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012.

Berdyayev, N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2012. (In Russian)

Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.

Kapeliushnikov, R.I. "Ekonomicheskoe neravenstvo – vselenskoe zlo?" [Is Economic Inequality a Universal Evil?], *Voprosy ekonomiki*, 2019, No. 4, pp. 91–106. (In Russian)

Кардаш А.М. Темпоральный фактор моральной удачи // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 151–162.

Kardash, A.M. "Temporal'nyi faktor moral'noi udachi" [Temporal Factor of Moral Luck], *Date Palm Compote*, 2020, No. 15, pp. 151–162. (In Russian)

Козн Дж. Совместимы ли свобода и равенство? / Пер. с англ. Д.С. Середы. М.: Свободное марксистское изд-во, 2020.

Cohen, G.A. *Sovmestimy li svoboda i ravenstvo?* [Are Freedom and Equality Compatible?], trans. by D.S. Sereda. Moscow: Free Marxist Publ., 2020. (In Russian)

Морозов К.Е. В защиту ролзианского эгалитаризма: Критика Р. Бельковича и С. Виноградова // Полития. 2024а. № 2 (113). С. 62–75.

Morozov, K.E. "V zashchitu rolzianskogo egalitarizma: Kritika R. Bel'kovicha i S. Vinogradova" [In Defense of Rawlsian Egalitarianism: Critique of R. Belkovich and S. Vinogradov], *Politeia*, 2024a, No. 2 (113), pp. 62–75. (In Russian)

Морозов К.Е. Правое либертарианство и суффициентаризм удачи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024б. № 79. С. 125–133.

Morozov, K.E. "Pravoe libertarianstvo i suffitsientarizm udachi" [Right-Libertarianism and Luck Sufficientarianism], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2024b, No. 79, pp. 125–133. (In Russian)

Петтит Ф. Республиканизм: Теория свободы и гражданского правления / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

Pettit, P. *Respublikanizm: Teoriya svobody i grazhdanskogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government], trans. by A. Yakovlev. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2016. (In Russian)

Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем, 2023.

- Piketty, T. *Kapital v XXI veke* [Le Capital au XXIe siècle], trans. by A. Dunaev. Moscow: Ad Marginem Press, 2023. (In Russian)
- Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: ЛКИ, 2010.
- Rawls, J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: LKI Publ., 2010. (In Russian)
- Серёда Д.С. Эгалитаризм удачи: два направления критики // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 273–289.
- Sereda, D.S. "Egalitarizm udachi: dva napravleniya kritiki" [Luck Egalitarianism: Two Lines of Critique], *Russian Sociological Review*, 2021, Vol. 20, No. 2, pp. 273–289. (In Russian)
- Фрэнк Р. Успех и удача: Фактор везения и миф меритократии / Пер. с англ. О. Левченко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
- Frank, R.H. *Uspekhi i udacha: Faktor vezeniya i mif meritokratii* [Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy], trans. by O. Levchenko. Moscow: HSE Publ., 2019. (In Russian)
- Ake, C. "Justice as Equality", *Philosophy & Public Affairs*, 1975, Vol. 5, No. 1, pp. 69–89.
- Anderson, E.S. "What is the Point of Equality?", *Ethics*, 1999, Vol. 109, No. 2, pp. 287–337.
- Anderson, E.S. *Private Government: How Employers Rule Our Lives (and Why We Don't Talk about It)*. Princeton: Princeton UP, 2017.
- Arneson, R.J. "Equality and Equal Opportunity for Welfare", *Philosophical Studies*, 1989, Vol. 56, No. 1, pp. 77–93.
- Bengston, A., Nielsen, L. "Relational Justice: Egalitarian and Sufficiencyarian", *Journal of Applied Philosophy*, 2023, Vol. 40, No. 5, pp. 900–918.
- Cohen, G.A. "On the Currency of Egalitarian Justice", *Ethics*, 1989, Vol. 99, No. 4, pp. 906–944.
- Cohen, G.A. *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge: Harvard UP, 2008.
- Dworkin, R.M. "What is Equality? Part 1: Equality of Welfare", *Philosophy & Public Affairs*, 1981a, Vol. 10, No. 3, pp. 185–246.
- Dworkin, R.M. "What is Equality? Part 2: Equality of Resources", *Philosophy & Public Affairs*, 1981b, Vol. 10, No. 4, pp. 283–345.
- Frankfurt, H.G. "Equality as a Moral Ideal", *Ethics*, 1987, Vol. 98, No. 1, pp. 21–42.
- Freeman, S.R. "The Basic Structure of Society as the Primary Subject of Justice", in: *Liberalism and Distributive Justice*. Oxford: Oxford UP, 2018, pp. 227–256.
- Freeman, S.R. *Rawls*. New York: Routledge, 2007.
- Gosseries, A. "Left-Libertarianism and Left-Hobbesianism", *Revista Portuguesa de Filosofia*, 2009, Vol. 65, No. 1/4, pp. 197–215.
- Korsgaard, C.M. "John Rawls", *The Harvard Review of Philosophy*, 2003, Vol. 11, No. 1, pp. 4–6.
- LeBar, M. "Equality of Authority as the Aristotelian Common Good", *Journal of Value Inquiry*, 2020, Vol. 55, No. 3, pp. 399–416.
- Lippert-Rasmussen, K. "Could Friends of Relational Autonomy Be Relational Sufficiencyarians Rather than Relational Egalitarians?", in: N. Stoljar, K. Voigt (eds.), *Autonomy and Equality: Relational Perspectives*. New York: Routledge, 2021a, pp. 57–79.
- Lippert-Rasmussen, K. "Luck Egalitarians versus Relational Egalitarians: On the Prospects of a Pluralist Account of Egalitarian Justice", *Canadian Journal of Philosophy*, 2015, Vol. 45, No. 2, pp. 220–241.
- Lippert-Rasmussen, K. "Precis of Luck Egalitarianism", *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2019, Vol. 22, No. 3, pp. 245–252.
- Lippert-Rasmussen, K. "Relational Sufficiencyarianism and Frankfurt's Objections to Equality", *The Journal of Ethics*, 2021b, Vol. 25, pp. 81–106.

- Long, R. "Luck Egalitarianism, Responsibility, and Political Liberalism", *Dialogue*, 2016, Vol. 55, No. 1, pp. 107–130.
- Nielsen, K. "Radical Egalitarian Justice: Justice as Equality", *Social Theory and Practice*, 1979, Vol. 5, No. 2, pp. 209–226.
- Nielsen, K. *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Lanham: Rowman & Littlefield, 1984.
- Parfit, D. "Equality and Priority", *Ratio*, 1997, Vol. 10, No. 3, pp. 202–221.
- Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia UP, 1996.
- Scheffler, S. *Equality and Tradition: Questions of Value in Moral and Political Theory*. New York: Oxford UP, 2010.
- Schemmel, C. "Why Relational Egalitarians Should Care about Distributions?", *Social Theory and Practice*, 2011, Vol. 37, No. 3, pp. 365–390.
- Timmer, D. "Weighted Sufficiencyarianisms: Carl Knight on the Excessiveness Objection", *Economics & Philosophy*, 2023, Vol. 39, No. 3, pp. 494–506.
- Tosi, J. "Relational Sufficiencyarianism and Basic Income", in: M. Cholbi, M. Weber (eds.), *The Future of Work, Technology, and Basic Income*. New York: Routledge, 2019, pp. 49–61.
- Tosi, J., Warmke, B. "Conservative Critiques", in: M. Zwolinski, B. Ferguson (eds.), *The Routledge Companion to Libertarianism*. New York: Routledge, 2022, pp. 579–592.
- Wolff, J. "Social Equality and Social Inequality", in: C. Fourie, F. Schuppert, I. Wallimann-Helmer (eds.), *Social Equality: On What It Means to Be Equals*. Oxford: Oxford UP, 2015, pp. 209–226.
- Yuracko, K.A. "Toward Feminist Perfectionism: A Radical Critique of Rawlsian Liberalism", *UCLA Women's Law Journal*, 1995, Vol. 6, No. 1, pp. 1–48.